

Любовь САПЧЕНКО, доктор филологических наук.

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ ПИСЬМО М.П. ПОГОДИНА К М.А. ДМИТРИЕВУ О ПРЕБЫВАНИИ В СИМБИРСКЕ¹

«Симбирск, вы знаете, виден издаleка...»

М.П. Погодин

Письмо из Симбирска об открытии памятника Карамзину (к М.А. Дмитриеву)

В августе 1845 года в связи с открытием монумента Н.М. Карамзину в Симбирск был приглашен известный историк, почитатель, ученик и в то же время оппонент российского историографа М.П. Погодин. Произнесенная им у подножия памятника торжественная речь была опубликована², причем Погодин напечатал также в «Москвитяине» адресованное М.А. Дмитриеву письмо, где в подробностях описал свое пребывание в городе в этот день – 23 августа³. Кроме того, сохранился черновик второго письма, которое осталось неоконченным и неизданным. Второе письмо из Симбирска еще не рассматривалось как исторический источник.

Между тем оно представляет интерес не только в аспекте изучения погодинского наследия, но и с точки зрения воссоздания картины жизни Симбирска, характеристики его обитателей и царящей в эти дни праздничной атмосферы, связанной с особым отношением российского общества к Карамзину и увековечению его памяти. Это, разумеется, не частное письмо, хотя и имело конкретного адресата. Изначально, подобно первому письму, оно было рассчитано на публикацию, на внимание заинтересованного читателя. Затронутые в письме проблемы имели общественную значимость.

Называя свое письмо к М.А. Дмитриеву «рапортом», Погодин подробно описывает весь следующий проведенный им в Симбирске день, 24 августа. Вместе с сыновьями Карамзина – Андреем Николаевичем и Александром Николаевичем – историк отправился к преосвященному Феодотию, симбирскому архиепископу, где они застали сенатора И.П. Поливанова. Сын его, Николай Иванович, военный, друг юности М.Ю. Лермонтова, незадолго до этого совершил путешествие на лодке вниз по Волге. Будучи талантливым рисовальщиком, он запечатлел

немало волжских пейзажей (два альбома его рисунков хранятся в Ульяновском областном художественном музее). Пробыв у преосвященного почти всё утро, гости не заметили, как оно пролетело: «столько русского, живого, веселого, острого, крепкого, умного» они увидели и услышали. Разговор шел о скрытой силе и глубине русской души, о том, вырвется ли эта сила когда-нибудь наружу. Желая того, собеседники обращались с надеждой и молитвой к Богу. Погодин с биением сердца задумывался об увиденном в своем путешествии: о рассказах крестьянина в курной избе, о русском ямщике и мещанине уездного городка. Их здравые мысли и замечания, «которые и министрам не мешало бы принимать к сведению», порой потрясали путешественника.

При этом Погодин не оставил без внимания и самого преосвященного Феодотия, который одно время был викарием в Новгороде, хоронил знаменитого Фотия Спасского, обличавшего библеистов, близко знал митрополита Серафима Глаголевского и «слыхал о незабвенном Платоне» (Лёвшине, которого биография, как отмечает Погодин, должна быть «распространена значительно»). Отметив, что это «человек необыкновенный», автор письма с досадой и укоризной говорил о равнодушии своих современников, которые «так холодны, так нелепы, что, гонясь за пустыми призраками или за блудящими огоньками у соседей, и каких соседей, в Бискайе или Техасе», оставляют «без внимания отечественные сокровища». Считая необходимым сохранять память о всех тех, кто оставил заметный след в отечественной истории, Погодин не находил интереса к прошлому у своих современников и выражал уверенность, что в других странах о Платоне создано было бы «двадцать сочинений», тогда как в России – одно: «Изображение

жизни и деяний Московского митрополита Платона», и то принадлежащее светскому писателю И.М. Снегиреву. «Одни боятся, другие остерегаются, третьи считают для себя неприличным. Итого – нет ничего!»

Историк передает услышанный в Симбирске рассказ о Платоне Лёвшине, который наказал одного келейника, когда тот велел экзаменовавшемуся дьякону на прослушивании пропеть то, «что никогда не поют». Этот «анекдот» вызвал у Погодина целый ряд мыслей о содержании современного ему образования, дающего совершенно бесполезные сведения.

В своих поездках по России Погодин посещал учебные заведения. Особенное внимание он уделял вопросам народного просвещения, настаивал на подаче российскому юноше сведений, близких к жизни, к действительности. Историк вспомнил о баснях И.И. Дмитриева и И.А. Крылова под одинаковым названием «Воспитание льва», где будущего правителя учили вить птичьи гнезда, «над чем так живо, так остро и так безутешно смеялись» два самых известных русских баснописца и что «так ясно понимал Платон».

На полях рукописи Погодин делает вставку о том, что «повод к разговору о митрополите Платоне подала картина, представившая его в клубке задом наперед». Историк сообщает, что, будучи в Вифании, т. е. в Спасо-Вифанском монастыре (подворье Троице-Сергиевры лавры), он видел подобную, но там Платон был изображен «перед певчими», которых нет на симбирском портрете. В Вифании Погодину пояснили, что «Платон надел так клубок в гневе, получив какое-то неприятное известие из Петербурга», в Симбирске же преосвященный Феодотий иначе толковал необычное изображение: Платон был «вне себя вследствие какого-то видения» и потому клубок оказался надет неправильно.

В этот день «все страсти», как пишет Погодин, «были в движении»: в Симбирске происходили очередные дворянские выборы, историк желал их увидеть, но, увлеченный беседой, пропустил время. Ожидая обеда, он долго стоял у крутого обрыва и любовался величественным видом, открывавшим бесконечные заречные дали, а также волжским Подгорьем, где были «рассыпаны целые слободы с церквами, садами, заведениями». Вспоминая о великом симбирянце, о его сочинениях, об автобиографическом «Рыцаре нашего времени», Погодин представлял Карамзина возвратившимся из Петербурга и в задумчивости стоящим на берегу Волги.

На другой день обед давал губернатор Н.М. Булдаков. По свидетельству Погодина, это был «обед богатейший, который удовлетворил бы самого изысканного гастронома, хоть Калигулу».

Погодину важно было подчеркнуть значительность происходящих событий и лиц, окружавших его в Симбирске. Однако и здесь автор письма повествует о бытовых деталях, занимательных подробностях, местных обычаях. Так, симбирский рыбный стол превзошел все его ожидания.

Если поданный на вчерашнем обеде осетр поражал своею величиною, пишет Погодин, то в этот день свежепойманная рыба была «такого вкуса, которого описать нельзя. Наливное яблоко как

будто рассыпалось во рту, а чувствовалось, что это была рыба».

Рассказывая о симбирском губернаторе, Погодин упоминает о государственной деятельности Булдакова, который «находился при распределении границ между Россией и Швецией, на самом крайнем севере, а потом производил несколько важных следствий в остзейских губерниях, особенно по поводу желаний латышей и чуди обратиться от ненавистного для них протестантизма к русскому православию. Множество любопытного он знает! Но увы, у нас нетерпима гласность!..»

Вечером, когда симбирское общество смотрело в театре спектакль какой-то заезжей труппы, Погодин вместе с Андреем Николаевичем Карамзиным отправились посетить сестру Ивана Ивановича Дмитриева Наталью Ивановну.

Для Натальи Ивановны этот визит стал настоящим потрясением. Услышав имя Карамзина, почтенная старушка целовала и обнимала его сына, «не знала куда посадить, беспрестанно вставала с места, суетилась, сердилась, что из передней разошлись оба лакея, совестились, что нам долго не отворялась дверь, что некому было снять шинелей, что мы всё нашли в беспорядке» и т. д.

Наталья Ивановна с искренним восторгом вспоминала Николая Михайловича и его близких. Оказалось, что ей посчастливилось повидаться в свое время с супругой историографа. Именно в тот день, когда Наталья Ивановна покидала Москву, туда приехала Екатерина Андреевна, и им довелось встретиться.

У сестры И.И. Дмитриева хранились подарки и письма ее знаменитого брата, где он, в частности, уведомлял симбирских родственников об успехах своего друга.

Наталья Ивановна «в скромной жалобе» рассказала также о том, что, пока Иван Иванович был министром, у нее часто бывали гости, а теперь она живет совершенно уединенно, о ней забыли и даже не известили об открытии памятника Карамзину, которое состоялось вчера.

Она помнила приезд в Симбирск великого князя Александра Николаевича, когда тот был еще наследником, в 1837 году. Его сопровождал воспитатель – Василий Андреевич Жуковский. Однако Наталье Ивановне не удалось повидать знаменитого поэта. Погодин передает ее рассказ, сохранивший черты характера Жуковского.

Уже покидая Симбирск и садясь в коляску, Жуковский расспрашивал провожавших о селе Богородском Сызранского уезда родине Ивана Ивановича Дмитриева – и старался рассчитать, в котором часу они с великим князем будут проезжать это место.

Когда один из чиновников описал ему дорогу, Жуковский, желая удостовериться в точности сведений, переспросил его: «Точно ли вы знаете это?». Чиновник убеждал в верности описания, ссылаясь на то, что расспрашивал саму Наталью Ивановну, сестру Дмитриева. На удивленный вопрос: «Разве у него есть сестра?», чиновник отвечал, что сестер у Ивана Ивановича две и они живут в Симбирске. Жуковский был расстроен и крайне сожалел, что не узнал этого прежде.

Достоверность рассказа подтверждается тем, что сохранился рисунок села Богородского, сделанный Жуковским и датированный 25 июня 1837 года, т. е. тем же числом, когда великий князь со своим наставником покинули Симбирск и достигли родины Дмитриева.

Сразу же по приезде в Москву Жуковский написал большое письмо Наталье Ивановне, принося извинения в том, что «не смог лично засвидетельствовать ей своего почтения».

Хозяйка дома делилась воспоминаниями с гостями, обращалась к ним с расспросами и знаками самого искреннего доброжелательства, очень хотела, чтобы Андрей Николаевич и Михаил Петрович посетили ее послезавтра, в день ее именин, но оба должны были отказаться, так как на завтра был намечен их отъезд из Симбирска. Однако можно предположить, что Погодин все же отозвался на просьбу Натальи Ивановны, т. к. в своем письме она благодарит его, что он разделил с нею «именинный пирог», о чем сообщает биограф Погодина, Н.П. Барсуков.

Вечером Погодина пригласили в домашнюю баню, к Феодотию, который, соблюдая дедовские обычаи, не принимал никаких отказов.

Андрей Николаевич Карамзин отправился в этот день в театр и в маскарад, а историка Погодина ожидал преосвященный.

После жаркой бани и домашнего угощения разговор обратился на серьезные темы, важные и «любезные» для собеседников, и занял весь вечер до полуночи. Говорили «о состоянии духовенства, о государственных крестьянах, об удельных, помещичьих, о чиновниках, о образовании...». Прерывая повествование, Погодин вновь с досадой замечает: «Но мы не любим гласности... Замолчу».

На следующий день (25 августа) историка удостоили своим посещением и Феодотий, и сам губернатор. Предводитель дворянства прислал Погодину благодарственное письмо от симбирских дворян за приезд на родину Карамзина и выразил желание, чтобы похвальное слово было на их счет напечатано. Хотя у Погодина были на этот счет свои соображения, он дал согласие.

В это утро у Погодина, т. е. в доме, где он остановился у П.М. Языкова, побывало еще множество лиц, которых хозяин дома представил историку. Завязались любопытные разговоры, из которых Погодин получил разнообразные сведения. Среди посетителей был двоюродный брат Александра Ивановича Тургенева И.С. Аржевитинов, с которым Погодин встретился в первый день своего приезда. В двадцатилетнем возрасте он участвовал в Бородинском сражении и лишился ноги, «сверх того получил удар саблей по лицу». Знаменитый военный хирург Ларрей, генерал-штаб-доктор наполеоновской армии, увидев его раненого и истекающего

кровью, сразу же сделал ему операцию и отдал распоряжение поместить русского офицера в Колоцкий монастырь, расположенный неподалеку от Можайска.

Погодин сообщает подробности: внимание одного из французских солдат привлекли серебряные шпоры пленного, и он, срывая сапог, причинил раненому «жесточайшую боль».

Поспешное бегство армии Наполеона не позволяло вести за собой военнопленных русских. В этой ситуации Аржевитинов был отпущен, причем Ларрей передал с ним письмо известному хирургу Виллие «с описанием операции и лечением, прося его обратить внимание на необыкновенную в истории медицины рану». По словам Погодина, Аржевитинов лечился в Симбирске во все продолжение войны, а по окончании записан в числе убитых. Аржевитинову стоило большого труда доказать потом «в разных департаментах и канцеляриях военного министерства», что он жив. Впоследствии он получил крест Святого Владимира, который, «разумеется, сиял на его груди бриллиантовой звездой».

Далее Погодин перечисляет других знаменитых симбирян: А.Н. Татаринова, адресата посланий Н.М. Языкова и оппонента А.С. Хомякова в полемике о сельском хозяйстве, развернувшейся на страницах «Москвитянина», генерал-майора И.С. Головинского, 20 лет безупречно управлявшего Вышневолоцкой системой судоходства, губернского предводителя М.М. Наумова, в прошлом – адъютанта П.К. Эссена, бывшего военного губернатора Оренбурга, а также пользующегося всеобщим уважением симбирского вице-губернатора И.И. Будянского.

В своей записной книжке Погодин оставил большое место для сведений о геологических экспедициях и наблюдениях П.М. Языкова, для списка известных литераторов – выходцев из Симбирска, для записи достоверных рассказов о симбирских страницах восстания Степана Разина и Емельяна Пугачева и т. д., однако не успел вовремя осуществить задуманное. Начатое письмо к М.А. Дмитриеву осталось в черновиках и не было отправлено. Погодин вернулся к нему через 20 лет, когда детали и подробности пребывания в Симбирске были им забыты.

Созданный Погодиным очерк одного дня имеет отношение не только к изучению культуры российской провинции, истории повседневности или «микроистории», к проблеме исторической памяти и персональной истории, но также к российской истории и литературе в целом. Хотя в письме из Симбирска автор пишет о разных людях, знаменитых и никому не известных, начиная с Карамзина и кончая банщиком преосвященного Феодотия, всё же дискурс Погодина направлен на то, чтобы подчеркнуть общерусский масштаб и нерядовое значение всего увиденного и услышанного в Симбирске.

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00292 А «Н.М. Карамзин и его окружение».

2 Историческое похвальное слово Карамзину, произнесенное при открытии ему памятника в Симбирске, августа 23, 1845 года, в Собрании симбирского дворянства академиком М. Погодиным. М., 1845; то же: Москвитянин. 1846. № 1. С. 1-66. См. также: Симбирский юбилей Карамзина. Симбирск, 1867. С. 180-220; Карамзин: pro et contra / Сост., вступ. ст. Л. А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006.

3 Письмо из Симбирска об открытии памятника Карамзину (К М. А. Дмитриеву) // Москвитянин. 1845. Ч. V. № 9. Отд. 1. С. 1-18. См. также: М. П. Погодин. Письмо из Симбирска об открытии памятника Карамзину (К М. А. Дмитриеву) // Карамзин: pro et contra / Сост., вступ. ст. Л. А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006.